

Брацун Егор Васильевич

аспирант кафедры отечественной
дореволюционной истории
Кубанского государственного университета

**К ВОПРОСУ
О СЛУЖБЕ АДЫГОВ
В ЧЕРНОМОРСКОМ КАЗАЧЬЕМ
ВОЙСКЕ И РУССКОЙ АРМИИ В XIX В.**

Аннотация:

В статье рассматривается вопрос служения адыгов в Черноморском казачьем войске и Российской императорской армии в XIX в. как пример службы горцев Северного Кавказа Российской государственности. Более подробно рассмотрен вопрос воинского служения той части адыгов, которая в конце XIX в. перешла на правобережную Кубань, в земли Черноморского казачьего войска осели на казачьих, к которым и были зачислены.

Ключевые слова:

Кавказ, адыги, традиции служения, Кубань, казаки, военная история.

Bratsun Egor Vasilyevich

PhD student,
Department of Pre-revolutionary History of Russia,
Kuban State University

**CONCERNING MILITARY SERVICE OF
ADYGHE PEOPLE IN THE BLACK SEA
COSSACK HOST AND THE RUSSIAN
ARMY IN THE 19TH CENTURY**

Summary:

The article studies a question of Adyghe people's military service in the Black Sea Cossack Host and the Russian army in the nineteenth century as an example of the North Caucasian highlanders being used of the Russian statehood. The author considers particularly the service of those Adyghe, who moved in the late 19th century to the right bank of the Kuban river, to the lands of the Black Sea Cossack Host, where they settled, and later were enlisted to the one.

Keywords:

Caucasus, Adyghe people, tradition of service, Kuban, Cossacks, military history.

Тема служения горцев Северного Кавказа Российской государственности в XIX – начале XX в. в научной литературе остается малоизученной. Широко известно о служении в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. Кавказской конной «Дикой» дивизии. Вопросы о наличии в частях Русской Императорской армии воинских формирований, укомплектованных из горцев Северного Кавказа и воевавших за Россию еще в годы Кавказской войны XIX в. остаются малоизученными. На примере традиций служения горцев Кубанской области, в частях Русской армии и Черноморского казачьего войска хотелось бы показать и разобрать этот сложный вопрос. Эта тема на фоне спекуляции отдельных историков и политических деятелей так называемой темой «геноцида черкесов» к началу в 2014 г. сочинской Олимпиады, и к дате 150-летия окончания Кавказской войны на Северо-Западном Кавказе в 2014 г. как никогда важна и актуальна. Важным пониманием многих процессов во взаимоотношениях русских и адыгов и сохранением межнационального мира и стабильности на Северо-Западном Кавказе в наше сложное время. В своей статье на основе архивных данных Государственного архива Краснодарского края и работ специалистов по кавказоведческой тематике, таких как – В.А. Потто, М.В. Покровский, М.М. Блиев, и А.В. Казаков – хотелось бы осветить некоторые важные аспекты воинского служения адыгов Закубанья в частях Черноморского казачьего войска и Русской армии в XIX столетии.

Горцы Кубанской области для службы в частях русской армии и Черноморского казачества стали привлекаться уже сразу после переселения Черноморского казачьего войска на Кубань в 1792–1794 гг. Корни этого явления уходят в более ранние времена. Так, например, ведущий советский кавказовед, специалист по истории адыгов М.В. Покровский свидетельствует: «Уже во время русско-турецкой войны 1787–1791 гг. правительство Екатерины II поставило целью привлечь на свою сторону наиболее влиятельных адыгейских князей, живших по левому берегу р. Кубани» [1, с. 148–149]. К 1793 г. относится так же такое архивное свидетельство как, заявление черкесских владельцев Батыр Гирея Мурзы и Тогар Оглу Хашухена Мурзы о желании иметь жительство на правой стороне р. Кубань под защитой России и воевать за Россию: «Имея мы усердное желание переселиться через реку Кубань на принадлежащую России таманскую степь где и намерены поселиться и жить под управлением российских начальников со всем повиновением как долг требует верному России подданному. Но только с тем, чтобы было отведено по усмотрению числа перешедшего народа как пахотных, так и сенокосных земель, потому что на первый случай перевозим мы две деревни, а потом надеемся, что и другие, смотря на нас, так переселяться под российскую державу будут, обязуя притом себя, что буде на российские войска или команды какое от черкес военное или примеру бунтовщиков стремление возобновится, будем по мере нашей воз-

возможности под предводительством российского начальства против неприятеля стоять и по известности нам тамошних мест скопища их истреблять, о каковом нашем предприятии покорнейше просим кому следует по начальству донести» [2]. Сама служба закубанских горцев в Черноморском казачьем войске была возможна, во-первых, благодаря установившимся мирным контактам казаков и горцев. Российский военный историк В.А. Потто в своем фундаментальном труде «Кавказская война» отмечал по этому поводу следующее: «На этой почве взаимного уважения между казаками и черкесами в первое время возникли самые дружественные отношения. Завелась меновая торговля и куначество, казаки и черкесы ездили друг к другу в гости; если случались какие-нибудь неудовольствия и недоразумения, воровство, убийство, мошенничество, то они разбирались всегда добросовестно и безо всякого пристрастия» [3, с. 545]. Во-вторых, из-за процессов проходивших внутри самых адыгейских обществ. Так, например, в конце XVIII – начале XIX в. в племенных объединениях шапсугов и абадзехов происходили антикняжеские выступления низших слоев населения тфокотлей. В связи с этим многие представители аристократии шапсугов и абадзехов вынуждены были эмигрировать на правобережье Кубани в земли войска Черноморского. «Князья были изгнаны из отечества, а народ ввел у себя чисто демократические порядки» [4] – свидетельствует В.А. Потто. За ними по всей вероятности шли и люди, которые так или иначе им верили, или на которых они имели влияние. Сам состав воинских формирований из закубанских горцев можно разделить на две группы, это из закубанцев, издавна живших на левобережье Кубани, и на тех, кто в силу тех или иных исторических обстоятельств переселился еще в начале XIX в. на правобережье, в земли войска Черноморского. Уже в первой половине XIX в. на правобережье Кубани находилось два населенных пункта, которые населяли адыги, приписанные к Черноморскому казачьему войску. Это Гривенско-Черкесская станица и Суворовский поселок (или Суворово-Черкесский). Символично наличие еще в годы Кавказской войны этих населенных пунктов. Они дали Кубани ряд громких офицерских династий и фамилий отличившихся на службе России, например Улагаи, Могукозовы. Если о службе адыгов в годы Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., в годы Русско-японской 1904–1905 гг. и в годы Первой мировой войны в частях Русской армии известно более широко, то служба их России еще в годы Кавказской войны менее известна. А это в большинстве своем контингенты, формировавшиеся из жителей этих двух станиц. Уже цитировавшийся В.А. Потто отмечал по этому поводу: «Лучшие люди Шапсугии скоро поняли начинающуюся гибель своего племени, и между ними возникла мысль отделиться от наносного сброда и даже действовать против него в союзе с русскими. С горячим негодованием и скорбным сетованием говорили они о позоре своей родины, превращенной буйством народа в притон воров и разбойников. “Если бы вы поставили, – говорили они впоследствии русским, – два-три укрепления впереди Кубани, все настоящие, родовые шапсуги стянулись бы и сели позади этих укреплений, чтобы вместе с вами принудить необузданный сброд подчиняться порядку”. К сожалению, мысль эта не нашла сочувствия со стороны кавказского начальства, которое не верило ее осуществимости. А между тем, по словам старожилов, она имела все шансы осуществиться легко и прочно, чему примером может служить Гривенская станица Черноморского войска, которая населилась именно шапсугами, не сочувствовавшими анархическому движению своей родины» [5].

В войну 1812 г. была сделана попытка собрать из горцев Кавказа и Закубанья особую боевую часть. В.А. Потто отмечал по этому поводу: «Первыми явились на сборное место князя Бековичи-Черкасские, Рослам-бек и Араслан-Гирей – потомок Чингисхана, последняя ветвь древнего крымского ханского рода. По примеру их стали съезжаться подвластные им уздени, дворяне и уорки. А между тем султан Менгли-Гирей и князь Айтек Мисоустов вербовали ополченцев в аулах закубанских черкесов. Успех дела превзошел самые смелые ожидания, и, вместо гвардейской сотни, о которой притом прежде только мечтали, теперь явилась возможность двинуть в действующую армию несколько тысяч отборной конницы» [6]. К сожалению, это предприятие не увенчалось успехом из-за интриг. Но сам отклик горского населения был велик и виной неудачи задуманного были не сами черкесы, а скорее административные обстоятельства. Эти события были отражены в повести писательницы XIX в. Веры Петровны Желиховской «Кавказский легион».

Несмотря на эту неудачу, отдельные адыги воевали в русской армии и в 1812 г. Например, сотник Пшекуй Довлетчериевич Могукозов (1793–1864). В 1812 г. П.Д. Могукозов в чине сотника воевал против французских войск в 9-м Черноморском казачьем пешем полку. Он поступил на службу рядовым казаком 10 мая 1808 г. [7] и дослужился до чина генерал-майора. О той памяти, что оставил о себе этот адыгский генерал, можно судить и по оставшимся названиям населенных пунктов на карте Кубани. Это пос. Могукозовский в Крымском районе и пос. Могукоровка в Калининском районе. П.Д. Могукозов и офицеры с адыгскими корнями, служившими России, были также важными помощниками в мирных контактах между собственно рос-

сийской администрацией, Черноморскими казаками и закубанскими адыгскими народностями. Так, например, П.Д. Могукоров в декабре 1841 г. являлся посредником в деле о переходе в русское подданство шапсугских князей Ачмез. Он также просил для них награды ввиду их помощи при отражении набега закубанцев на Полтавский курень, как теми разведанными, что они поставляли казакам, так и прямым участием в бою на стороне черноморских казаков [8]. Служили адыги и в соединениях русской армии. В 1828 г., как известно, был сформирован лейб-гвардии Кавказский-Горский полуэскадрон собственного Его Императорского Величества Конвоя, который нес службу в Санкт-Петербурге и ведал охраной Императора. Во время Русско-персидской войны 1826–1828 гг. и Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. на Кавказе так же был сформирован Кавказский-Горский полк, где служили и адыги. Позднее полк был преобразован в дивизион и нес службу в г. Варшаве. Принимал активное участие в Польской компании 1830–1831 гг. и в походе в Венгрию в 1848–1849 гг. За участие в Венгерской компании 21 сентября 1849 г. полку было пожаловано знамя: «За отличную храбрость, оказанную в делах с мятежными венграми, и за сражение под городом Дебречином 21 июля 1849 г.» [9, с. 157].

В 1841–1842 гг. в Анапе комендантом крепости полковником Ф.Ф. Ротом был сформирован личный конвой из 10 молодых натухайцев [10, с. 83]. Позже на базе этого конвоя был сформирован Анапский горский полуэскадрон.

Если говорить о численности горцев Северного Кавказа (к которым относим и адыгов), воевавших за Россию в самый разгар Кавказской войны, когда шла Крымская война в 1855 г., то по определенным расчетам она достигала 12 тыс. чел. [11, с. 54]. Число немалое. Учитывая многочисленность семей всадников и вовлеченность местного населения в функционирование и содействие таким соединениями в виде поставок фуража, провианта, оружия, цифра действительно внушительная. Те, кто выбирал сторону России, были в глазах своих соплеменников такими же врагами как и русские. В доказательство этому можно привести такой эпизод. Так два брата Бесленей и Убых Аббатовы однажды показали адыгский аул русскому офицеру Г.В. Новицкому. Узнав об этом, их соплеменники шапсуги разграбили их имение, захватили в плен их семьи, от сына Бесленя – Шагин-Гирея потребовали, чтобы он отказался от своего отца и дяди. Обратное братьям было дозволено вернуться только тогда, когда они заплатили бы штраф за оскорбление шапсугов своим поступком и публично объявили бы себя врагами России [12]. Подобный эпизод свидетельствует о том, что перейти к русским «на время» ради каких-то сиюминутных корыстных интересов адыгам было сложно и, воюя в рядах Русской армии, они делали это в большинстве своем добровольно и осознанно.

В заключении стоит отметить, что на рубеже XVIII–XIX вв. на Кавказе шла не только затяжная Кавказская война, но и горские междоусобные войны. Горцы продавали в рабство не только иноверцев, но и своих соплеменников и единоверцев. Делали набеги не только на русские станицы и села, но и на аулы своих же соплеменников. Наличие большого числа формирований из горцев, воевавших за Россию, подтверждает то, что само горское общество было крайне разрозненно, и нельзя в противостоянии с Россией выставлять весь Кавказ во всем его многообразии только лишь враждебной для нашей страны средой.

Ссылки:

1. Покровский М.В. Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX века. Краснодар, 1989.
2. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 249. Оп. 1. Д. 248. Л. 3, 3 об.
3. Потто В.А. Кавказская война. В 5 т. Ставрополь, 1994. Т. 1.
4. Там же. С. 546.
5. Там же. С. 553.
6. Там же. С. 653.
7. ГАКК. Ф. 396. Оп. 2. Д. 250. Л. 31 об.
8. ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 527. Л. 25, 25 об.
9. Казачьи войска. Хроника. М., 1992.
10. Блиев М.М. Черкесия и черкесы XIX века. М., 2011.
11. Попов В.В. Горцы честно служили России // Военно-исторический журнал. 1997. № 2.
12. Блиев М.М. Указ. соч. С. 50.

References:

1. Pokrovskiy, MV 1989, *Adygs' History in the late XVIII – first half of XIX centuries*, Krasnodar.
2. *State Archive of the Krasnodar Territory*, f. 249, op. 1, d. 248, l. 3, 3 ob.
3. Potto, VA 1994, *Caucasian War*, in 5 vols., Stavropol, vol. 1.
4. Potto, VA 1994, *Caucasian War*, in 5 vols., Stavropol, vol. 1, p. 546.
5. Potto, VA 1994, *Caucasian War*, in 5 vols., Stavropol, vol. 1, p. 553.
6. Potto, VA 1994, *Caucasian War*, in 5 vols., Stavropol, vol. 1, p. 653.
7. SAKT, f. 396, op. 2, d. 250, l. 31 ob.
8. SAKT, f. 261, op. 1, d. 527, l. 25, 25 ob.

9. *Cossack troops. Chronicle* 1992, Moscow.
10. Bliev, MM 2011, *Circassia and Circassians of XIX century*, Moscow.
11. Popov, VV 1997, 'Highlanders honorably served Russia', *Military History magazine*, no. 2.
12. Bliev, MM 2011, *Circassia and Circassians of XIX century*, Moscow, p. 50.